

Николай Иванович Костомаров

Бунт Стеньки Разина

Николай Костомаров
Бунт Стеньки Разина

«Public Domain»

1885

Костомаров Н. И.

Бунт Стеньки Разина / Н. И. Костомаров — «Public Domain»,
1885

«Русскую историю обыкновенно делят на периоды, но не во всех отношениях выражают этим то, что хотят. Для отделения одного периода от другого берут внешние события, которые хотя имели важное влияние на судьбу народа, но не уничтожали сразу старого порядка и не вводили сразу нового. Постепенно упадало старое, постепенно возрастало новое. Татарское завоевание иначе направило деятельность удельных князей, произвело перемены в связи городов и земель, дало другие размеры народным свойствам; но и долго после татар оставалось больше следов дотатарского времени, чем перемен...»

Содержание

I	5
II	7
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Костомаров

Бунт Стеньки Разина

I

Русскую историю обыкновенно делят на периоды, но не во всех отношениях выражают этим то, что хотят. Для отделения одного периода от другого берут внешние события, которые хотя имели важное влияние на судьбу народа, но не уничтожали сразу старого порядка и не вводили сразу нового. Постепенно упдало старое, постепенно возрастало новое. Татарское завоевание иначе направило деятельность удельных князей, произвело перемены в связи городов и земель, дало другие размеры народным свойствам; но и долго после татар оставалось больше следов дотатарского времени, чем перемен. Государствование Иоанна III было то время, когда единоедержавие взяло перевес над удельностью; но эта эпоха не изгладила признаков жизни, свойственных удельному миру. Деление на принятые периоды годится для школьного изучения событий былевой истории; история бытовая, история народной жизни требует таких граней, которые бы определяли коренные отличия, принимаемые страной и жителями, и заключали в себе главные уклады политической, общественной и духовной жизни народа. Таких укладов русская история до Петра Великого представляет два: удельно-вечевой и единоедержавный. Невозможно отыскать такое время, когда между ними повелась разделительная черта. Когда удельность господствовала над всем составом Руси, семена единоедержавия пытались пустить отростки, и, напротив, когда единовластие достигло полной силы, отжившие начала удельности, воскресая, оказывали признаки сопротивления.

Картина удельно-вечевой Руси является наблюдателю в таком виде: все дробится, все идет к тому, чтоб каждый город и даже каждое село образовывало самостоятельное целое; и между тем, однако, существует федеративная связь этих частей, без определенных учреждений для поддержки согласия между ними, основанная более на всеобщем чувстве и сознании единства Русской земли и русского народа; управление посредством целого рода князей, из которых ни один, однако, не имеет значения государя; народоправление, выражаемое формою веча – формою, которая в одних местах созрела, в других не созрела, смотря по обстоятельствам; перевес обычая над постановлением, побуждения над законом, личной свободы над повинностью, общинности над единичностью власти, воли живого народа над учреждением; вольница, движение, брожение, кочевание и потому безладица и непрочность.

Напротив, признаки единоедержавия были таковы: все народные интересы сосредоточиваются в одном лице, которое становится апотеозом страны и народа, и потому личность его приобретает святое значение; исчезает бытие отдельных частей, уничтожается народоправление, – все стремится к единообразию; преобразование обычая в постановление, сознания в букву закона, перевес повинности над личной свободой, старейшинства над общинностью, стремление к оседлости, установке и покою.

В борьбе этих двух укладов русского быта – удельно-вечевого и единоедержавного – вся подноготная нашего старого дееписания. Начала единоедержавия со всеми исчисленными признаками постепенно развивались в период татарского господства, но и в более отдаленное время их уже существование княжеского достоинства показывает зародыш единоедержавия, хотя в слабой степени. С XIV века, утвердившись на московской почве, оно вступило в явную борьбу с старым противником, истощенным от внутренних надрывов и устаревшим от лет и бед, шаг за шагом брало над ним верх и торжествовало свой перевес освобождением страны от иноплеменного господства и созданием монархического государства с зачатками политического могущества. Победа достигла высшей степени при Иоанне IV; но этот борец-победитель,

праздную свое преобладание над врагом и кознями князей и бояр, претендентов удельности, и бойнею в Новгороде, еще вспомиравшем о своем вече, – в то же время подавал избитому, истерзанному врагу руку на мировую учреждением общинных властей, самоуправою посадов и уездов, со-званием Земской думы, по-видимому вступавшей в права всех веч вместе, уже не для какого-нибудь города или земли, а для целой Русской державы; и наконец, своим духовным завещанием, где он сыну Федору давал независимый удел. Хорошо, что у Иоанна остался только один сын: если б их было несколько, у нас бы воскресла удельность. Оживающий враг избрал тогда на юге России уголок, где мог, оправившись, не только давать отпор своему торжествующему сопернику, но и вторгаться в завоеванные им пределы. Старое удельно-вечевое начало Руси облеклось теперь в новый образ – то было козачество. В лице Ермака оно показало Грозному, чего можно ожидать от него. Между тем по смерти Грозного явился в Москве новый борец единодержавия – Борис Годунов. Он нанес старому врагу новые раны введением кабаков и крепостного права. Зато и старый враг отместил этому борцу: он ниспроверг его трон; ворвавшись в Россию в образе козачества, покрыл ее развалинами и кровью, повел Русь до ограниченного избрания Владислава, до попытки соединения с Польшею, до полугодового правления посредством Земского собора... Далее идти он не мог: у него не хватало сил, когда дело шло об устойчиве на завоеванном поле; единодержавие опять взяло над ним верх избранием Михаила Федоровича, но принуждено было купить свое торжество значительными уступками старому врагу, который показывал громко, что он еще не при последнем издыхании, а должен признать себя побежденным только от неумения продолжать войну. Вражда между ними, однако, была насмерть и не могла окончиться какими-нибудь взаимными уступками. Едва торжествующая теперь сторона укрепилась, как тотчас же начала уничтожать все уступки, данные во время тяжелой битвы; она вытесняла влияние противника и усилением власти воевод, составлением Уложения, и строжайшим укреплением крестьян, и образованием регулярного войска. Старый враг между тем, казалось, более и более молодедел в своей козацкой одежде. Несколько раз соперники подавали друг другу руку, сохраняя в душе злобу, бросали один другому ласковые уверения, думая, как бы уничтожить один другого с корнем и заводом; наконец, улучив удобное время, побежденный столько раз старик отважился на открытый бой. Стал у него борец Стенька Разин.

II

Козачество тогда возникало, когда удельная стихия падала под торжеством единодержавия; оно было противодействием старого новому. Ряды козачества наполнялись недовольными новым составом, теми, кто не уживался в обществе, для кого не по натуре были его узы. Русский мир был уже разделен на два государства – Москву и Литву; в обеих половинах явилось козачество. Тогда как в Южной Руси заложились славное Запорожье и разлило из себя дух козачества по всей Украине, одинаковые события произвели наплыв народа с севера на Дон. Украина подала помощь этому обществу и населяла берега Дона своими детьми. Как ни темна первая история донского козачества, но что малороссийская народность участвовала в его закладке и воспитании – это лучше всяких исторических памятников доказывает нынешний язык донских козаков: среднее наречие между малороссийским и великорусским языками. Отсюда козачество охватило берега Волги, Терека, Яика и проникло в далекую Сибирь.

До эпохи самозванцев козачество, по-видимому, готовилось образовать отдельное общество в русских южных краях и хотело только укрыться с своею независимостью от северного единовластия; но, вмешавшись в дела Москвы в начале XVII века, оно вошло в неразрывную связь с нею и уже не ограничивалось тем, чтоб засесть с своими началами в южных степях, а стремилось распространить эти начала по всей земле Московского государства.

С этого времени повсюду являются казаки. Правительство, желая остановить это брожение, допустило существование козачества внутри державы в виде особого военного сословия, наравне с стрельцами, пушкарями и воротниками. Оно употреблялось преимущественно там, где нужно легкое наездническое военное действие, в особенности для передачи вестей от одного города до другого и для конвоев. Другие, которые в смутные времена начала XVII века составляли козацкие шайки, были обращаемы в тягловые сословия, в посадские, в крестьяне, отдаваемы владельцам, от которых убежали, – словом, возвращаемы к тому гражданскому званию, в каком были прежде и они сами, и отцы их. Отведав вольницы времен самозванцев, многие уже не уживались на родине, бегали, шатались, составляли шайки, называли себя казаками и передавали эти привычки следующему за собою поколению. Таким образом, казаки в глазах правительства разделялись на верных, или признанных властью, и воровских, самозванных козаков. Вольный тихий Дон был центром козачества. Долго независимый, в царствование Михаила Федоровича он признал власть московского царя. В 1634 году казаки присягнули на верность и обещали не нарушать порядка своими разбоями и нападениями на соседей. Обещание сохранялось плохо. Казаки продолжали свои набеги и своевольства, и на Дону постоянно было две партии в отношении русского правительства: верные, хотевшие согласить свою вольность с повиновением верховной московской власти, и воровские, которые хотели действовать свободно и считать Дон независимым и самоуправным. Число воровских было значительнее, потому что малейшее неудовольствие обращало в их ряды и тех, которые при других обстоятельствах были верными.

Первые годы царствования Михаила Федоровича были заняты борьбою с воровскими казаками, как назывались шайки бродяг, не хотевшие повиноваться властям. Ужасны были эти люди. В 1615 году, рассыпавшись по всей Московской Руси, и в особенности около Волги, близ Углича, Кинешмы, у Пошехонья, около Новгорода, в Северной земле и украинских городах, они грабили города и села и делали над народом бесчеловечные истязания. Их ожесточение, при обычной тогдашней грубости нравов, становится понятнее, когда примем во внимание, что эти шайки были составлены из людей, оставивших свои прежние повинности и теперь возвращаемых к ним снова насильно. Нежелание какого-нибудь нового порядка вещей увлекало эти толпы и внушало им ненависть к прежнему житью и охоту шататься и быть там, где показалось. Иной был прежде монастырский, а жил теперь в дворянском имении – его отыскивали

и возвращали в монастырское. Другой был холоп, убежал от своего господина и отдался иному господину в холопы, а его хотели воротить к прежнему. Им хотелось свободно переходить от одного существующего положения к другому существующему; нового, своеобразного они не могли выдумать, кроме козацкого, которое с известной точки зрения было то же, что разбойничье. В первые годы Михаила Федоровича князь Лыков разбивал такие шайки несколько раз: под Балахною, под Симоновым монастырем, куда они пришли как будто с повинною, а в самом деле для буйства; потом на реке Калуже, где был повешен знаменитый атаман Волоня, и откуда множество его товарищей отправлено в тюрьму Преследуемые и поражаемые, одни сдавались на милость правительства, а другие удалялись из жилых мест в низовья Волги, и одна из таких шаек, под начальством Калбака, установилась близ Каспийского моря и наносила страх плававшим по нему судам.

На берегах Волги существовало тогда козачество как отдельное общество. История его неизвестна. Мы знаем о существовании волжских козаков в смутные времена: они поддерживали Заруцкого. Во время войны поляков с турками под Хотинном, когда запорожцы оказали столь деятельное участие, пришло двадцать тысяч волжских козаков на помощь христианам против неверных. Они явились поздно, когда было дело кончено, но их намерение не осталось без награды. Королевич Владислав отпустил их с подарками. Это известие, передаваемое южнорусскими летописцами, важно: открывая значительность народонаселения в Волжском крае, оно указывает на связь, существующую между всеми вообще козаками; когда малороссийские козаки пошли помогать Польше, сочувствие к делу отозвалось в таком отдаленном краю, как низовые берега Волги. Когда Олеарий плыл по Волге с голштинским посольством, по берегам Волги, от устья Камы вниз, блуждали козаки и были страхом для пловцов, потому что нападали на суда. Впрочем, то были не одни жившие по Волге: там шатались для разбоев и с Дона, и с Яика, и со всех стран русского мира. Волга, главный торговый путь, привлекала их удалство. В 1621 году они ограбили караван судов, и это подало повод к основанию города Черного Яра. В 1654 году козаки напали на нижнеяицкий учуг, принадлежавший гостю Гурьеву, его разорили и переманили в свои ряды рабочих: в простонародии было к ним сочувствие. Волга на всем ее неизмеримом протяжении была поприщем воровских козаков. Их деяния воспевались в песнях; в них относятся разнообразные предания; их образ в народном воображении сохраняется с марами (курганами) и городищами, усевающими приволжские степи. Воровские козаки не были в глазах простонародья простыми разбойниками, в обыкновенном смысле этого слова; они нападали на суда, на людей, грабили их, убивали, но, по обширному кругу, в котором хотела выразиться их деятельность, название разбойников для них недостаточно. Сами они говорят в своих песнях: «Мы не воры, не разбойники – мы удалые добры молодцы». Это были люди, выскочившие из круга гражданского быта, не вошедшие в другой и не сознавшие определенной цели. Народ сочувствовал удалым молодцам, хотя часто терпел от них; самые поэтические великорусские песни – те, где воспеваются их подвиги; в воображении народном удалый добрый молодец остался идеалом силы и мужской красоты, как герой Греции, рыцарь Запада, юнак Сербии. Слово «удалый молодец» значило у нас героя, а между тем оно смешалось с значением разбойников.

Итак, в половине XVII века козачество охватывало более чем пол-Руси, а народное недовольство гражданским порядком давало ему пищу и силы: в козачестве воскресали старые полуугасшие стихии вечаевой вольницы: в нем старорусский мир оканчивал свою борьбу с единой державой. Когда власть хотела подчинить козаков порядку и закону, воровское козачество хотело разлить по всей Руси противодействие ей. Уже для него было недовольно укрываться в отдалении степей: оно хотело поглотить весь русский народ. Но само по себе оно было не новым началом жизни, а запоздалым, отцветшим; оно было страшным настолько, чтоб задержать русский народ, сбить его на время на старую дорогу, но бессильно и бессмысленно, чтобы проложить ему новый путь. В нем не было созидательных начал, не было и духовных сил для

отыскания удачных способов действия. Оно не могло произвести ничего, кроме эпохи Стеньки Разина – кровавой, громкой, блестящей, приведшей в ужас и ожидание, по словам современника, не только Московское государство, но и всю Европу, и бесплодной, как метеор, многообещающий не знакомому с тайнами природы и никогда не исполняющий этого обещания.

III

Весь порядок тогдашней Руси, управление, отношение сословий, права их, финансовый быт – все давало козачеству пищу в движении народного недовольства, и вся половина XVII века была приготовлением эпохи Стеньки Разина.

Устройство отношений между землевладельцами и работниками, и между господами и слугами, было в числе причин, способствовавших успехам возмущения. До 1592 года крестьяне были люди вольные и по праву, в определенный годичный срок переходили с земли одного господина на землю другого. В этот год, как должно думать, судя по смыслу других позднейших указов, Борис укрепил их на тех местах, где они тогда жили. Строгость этой меры была ослаблена последующими распоряжениями самого Бориса. В 1597 году издан указ, предоставлявший владельцам право отыскивать своих крестьян тогда только, когда они убежали от них не ранее пяти лет. По указам 1601 и 1602 годов прикрепление крестьян к землям удержалось только в имениях патриарших, митрополичьих, владычных, монастырских, бояр, дьяков и больших дворян, и приказных людей, а в имениях детей боярских, жильцов, иноземцев, дворовых царских людей, подьячих всех приказов, стрелецких, сотенных и козачьих голов, у переводчиков и толмачей Посольского приказа, патриарших и властелинских приказных людей оставлен вольный переход крестьянам. Ясно, что это постановление, оставлявшее свободу крестьян у мелких, незначительных владельцев и делавшее их крепкими в имениях знатных и больших господ, клонилось не к прекращению шатаний, как обыкновенно думают, а к тому, чтоб угодить сильным, на которых опереться искала власть Бориса, начинавшего собою новую династию. С тех пор бояре и вообще господа постоянно старались о сохранении и дальнейшем утверждении такого гражданского порядка. При избрании Владислава бояре, распоряжаясь делами государства, выговаривали вперед условие, *чтоб на Руси промеж себя крестьянам выходу не быти*. В Смутное время крестьяне всех ведомств наполняли толпы козаков и переходили от одного владельца к другому, обманывая всех равно. По восстановлении порядка бояре, имевшие сильное влияние на дела государства, при непрочности новой власти, поспешили сохранить закон Бориса и постановили обращать беглецов на прежние места жительства и вообще оставить тот порядок дел, какой введен Борисом при Федоре Иоанновиче. С тех пор крепостное право становилось тверже и тверже. Сначала срок для нахождения беглых холопов и крестьян и возвращения их на прежнее место положен пятилетний, но в 1637 году он предположен на девять лет, в 1641-м – на десять лет. Ограничение права возврата крестьян годами удерживало отчасти старый порядок дел, какой был до 1592 года, потому что крестьяне уходили от одного владельца к другому и выжидали исхода срочных лет, чтоб потом быть безопасным от притязания прежнего господина. В 1645 году дворяне и дети боярские жаловались, что в то время, когда они находились в военной службе, крестьяне их уходили к иным владельцам, и особенно к боярам, окольным и в монастырские имения. Это понятно, потому что у богатых владельцев, имевших больше средств, крестьяне подвергались меньшим повинностям, чем у бедных. Бедным тяжело было судиться с богатыми. Таким образом, большие села увеличивались, а мелкие деревушки пустели. В 1647 году постановлено не возвращать беглых только в таком случае, если они прожили вне мест, где записаны, более пятнадцати лет. В 1649 году уничтожен срок для поимки беглых. Уложение окончательно сделало крестьян крепкими земле. Оно не только прекратило сроки, не только установило твердое правило на будущее время, что *никому за себя крестьян не принимать*, но еще обратило его и на прежние годы. Таким образом, руководствуясь писцовыми книгами, составленными после пожара 1625 года, и всех крестьян, записанных перед тем в писцовых книгах, велено отдавать с их семействами без урочных лет прежним владельцам, за которыми они числились. Крестьянство распространилось не только на тех, которые значились в писцовых книгах как хозяева, но и

на их детей, родственников, которые жили с ними не в разделе и до того времени считались гулящими людьми.

Звание крестьянина было отлично от звания холопа; но мало-помалу значение их сливалось, и во второй половине XVII века различие между ними состояло не столько в их правах, сколько в способах приобретения господином прав своих. Холопами в обширном смысле назывались все те, которые были обязаны какою-нибудь службою другому лицу. В этом отношении и бояре и князья писались царскими холопами. В тесном смысле холопами, или людьми, назывались вообще рабы: или пленные, или вошедшие в это звание по долговым обязательствам, или родившиеся от рабов. В Руси издавна было в обычае отдавать себя в залог за занятые деньги или продаваться за известную сумму. Иные продавали себя с детьми и со всем потомством и давали за себя вечную кабалу по записям. Тогдашние понятия считали справедливым предоставить отцу право распоряжаться судьбою тех существ, которые он произвел на свет. Иные же продавали себя на срок и давали записи, называемые закладною кабалою. Сверх того, люди отдавались в холопство заимодавцам по суду, когда они не могли заплатить суммы, следуемой им. Кабала служила владельцу для предъявления его прав на раба. В 1597 году установлено, чтобы всякий, кто служил у хозяина без всякой кабалы полгода, делался полным его холопом, или человеком. Большие злоупотребления были последствием этого закона. Вольные люди, жившие в услужении, бегали от господ, когда господа по такому закону хотели закабалить их себе в вечное рабство: богатые обманом и насилием поработали бедняка; другие господа сами ссылали от себя слуг, с тем чтоб придраться к тем, к кому они пристанут. И в самом деле, когда слуги для пропитания находили себе приют у иных господ, прежние их господа грозили последним судом, домогались не только возврата слуг, но еще и мнимых убытков и пени за передержку. При Самозванце этот стеснительный закон уничтожен: по-прежнему было постановлено считать холопом только того, кто давал на себя письменный акт; иск господина на холопа приносился не голословно, а на основании предъявленной кабалы. При Шуйском принято правилом считать холопом только по письменным актам; но тот, кто служил более пяти лет у господина бескабально, делался его вечным холопом и без акта. В Смутное время множество холопов разбежалось и пошло в козаки; с восстановлением власти правительство сначала хотело и холопов, как другие сословия, обратить к прежним обязанностям, но должно было сделать уступку, дозволив тем, которые пошли в козаки, оставаться в козачестве. Иногда являлось стремление ограничить холопство, по крайней мере в некоторых местах государства; так, например, в одной грамоте 1646 года уфимскому воеводе приказано наблюдать, чтоб никто не отдавал себя в залог по крепостям: на эти меры правительство вынуждалось потому, что многие тяглые и ясачные шли в холопы и уклонялись от государственных повинностей. Также в 1665 году в поволжских областях запрещалось отдаваться в кабалу и принимать в залог людей. В царствование Михаила и Алексея постоянно и всюду тяглых и дворцовых возвращали на свои места, и всякая сделка, заключенная ими об отдаче себя в холопство, уничтожалась. По Уложению, полным холопом назывался тот, кто отдавался в рабство навсегда; дети, рожденные уже в рабском состоянии, делались также собственностью господина. Иное дело кабальные холопы, то есть обязанные служить временно по взаимному условию или присужденные в холопство за долги до отработки долга: вообще наблюдалось правилом, чтоб кабальные делались свободны по смерти господина. Хотя холопство зависело отданного на себя письменного акта, но если человек служил у господина три месяца бескабально, то без всякого акта господин имел законное право требовать его закрепления. Это простиралось и на потомство холопа, если холоп был кабальный и закабалил себя на срок, а его дети бескабально служили тому господину; на этом одном основании господин имел право требовать закрепления детей, и они делались его рабами, хотя бы отец их и они сами этому противились. Тем не менее тот же человек, если он служил у господина и гораздо больший срок бескабально, не делался по этому одному холопом, если господин того не требовал. В начале XVII века все имели право

держат полных холопов. Но после Уложения это право не давалось священнослужителям и церковнослужителям (исключая протопопов), боярским людям, а также и посадским. Последние могли брать кабалы не более как на пять лет.

Осталось много свидетельств, что холопы и крестьяне по смыслу права различались между собою. Крестьяне отдавали себя на кабалу господам своим, которые иногда и неволили их к тому.

Уложение запрещает господам брать кабалы на своих крестьян. Когда бывали такие случаи, то, значит, положение холопов было иное, чем крестьян, и правительство не хотело смешивать эти сословия. В 1646 году при переписи велено строго отличать крестьянские дворы от людских. Многие добровольно отдавались за денежную ссуду в крестьяне, наподобие того, как отдавались в холопы, и давали на себя записи; но такая запись отличалась от кабальной; тогда как акт о холопстве предъявлялся в Холопьем приказе, вольный человек, желавший отдаться в крестьяне, приводился в Поместный приказ. Владелец не мог переводить своих крестьян из поместий в отчины. Владельческие крестьяне имели право покупать и продавать по актам свои недвижимые имущества; из купчих на такой предмет не видно, чтобы право частного владения крестьян юридически зависело от их господ. Обязанности крестьян определялись вытями, записанными в писцовых книгах, то есть участками земли, с которых они должны были работать господину и платить хлебный и денежный оброк, – эти выти относились только к хозяевам; до Уложения дети, братья, племянники и подсоседники, жившие с хозяином нераздельно, были люди гулящие и могли изменять образ жизни, вероятно при условиях, теперь еще не вполне разъясненных наукою. Все это показывает, что крестьяне составляли отдельное сословие от холопов.

Но крестьянин, как и холоп, был предан произволу владельца. Мы не знаем никаких обеспечений, которые бы ограждали как того, так и другого от этого произвола. Только в монастырских имениях являются следы такого обеспечения; например, некоторые монастыри не могли облагать своих крестьян более положенного, а должны были испрашивать особенного позволения челобитными, если предстояла надобность умножить поборы или увеличить повинности. Что же касается до частных, так называемых в обширном смысле, по языку того времени, боярских, также архиерейских имений, то хотя Котошихин и говорит, что за неправильное наложение поборов по возникшему челобитью отбиралось имение, но такие случаи были делом произвола власти, а не закона; в грамотах на владения обыкновенно говорилось, что крестьяне обязаны слушать господ своих во всем; пахать на них пашню и платить оброк, чем господин изоброчит, и не видно ни правил, которые бы ограничивали в этом случае произвольное управление владельца, ни законов, которые бы стояли на страже за крестьян. Подобный произвол существовал даже и до прикрепления крестьян, как видно из грамот тогдашнего времени. После Уложения, в купчих крепостях владелец продавал своих крестьян с женами и детьми и с племянниками и со всеми их крестьянскими животами (имуществом).

В записях на крестьянство писалось, что отдающий себя в крестьянское звание позволял продать себя и заложить. Из актов второй половины XVII века видно, что владельцы вотчинных крестьян своих, наравне с людьми, отдавали дочерям в приданое без земли. Если владельцу запрещалось переводить своих крестьян из поместья в вотчину, то это установлено не для ограждения крестьян, а для соблюдения государственных интересов, чтобы не лишались народонаселения поместья, которые собственно были имения государственные, только данные временно в пользование помещику; зато иным способом владелец мог передвигать своих крестьян как угодно. Таким образом, хотя выше показано, что существовало различие между холопами и крестьянами, но, по их положению, несравненно более между ними сходства. Как те, так и другие не были ограждены от произвола господ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.